

ВАСИЛИСА РЕЙНАРД

СОМНУС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Психологическое научное фэнтези

18+

Василиса Рейнард

Сомнус

«Автор»

2026

Рейнард В.

Сомнус / В. Рейнард — «Автор», 2026

Что, если человек из твоих снов однажды ответит на вопрос, который ты не успела задать? Варя привыкла считать сны безопасным убежищем - пока в одном из них не появился Рей. Он знает её страхи, чувствует каждую трещину в реальности и говорит так, будто ждал её всегда. Рядом с ним невозможное кажется естественным, а пробуждение - лишь другой формой сна. Но чем сильнее становится их связь, тем чаще мир Вари нарушает собственные законы. Совпадения складываются в пугающую систему, прошлое требует ответа, а загадочный «Сомнус» оказывается гораздо ближе, чем она могла представить. Чтобы узнать правду, Варе придётся перейти границу между доверием и зависимостью, спасением и ловушкой - и решить, какой из миров считать настоящим.

© Рейнард В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обед, который случился утром	5
Глава 2. В паутине ветра и пикселей	9
Глава 3. Хрустальный бархат	13
Глава 4. Физика распада	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сомнус

Глава 1. Обед, который случился утром

«Сон — состояние, близкое к единению с окружающей энергией. Ты чувствуешь себя частью общего энергопотока — частью, способной влиять на него, удерживая баланс; чувствовать окружающую атмосферу независимо от расстояния и времени, так как эти параметры несущественны и субъективны в таком состоянии восприятия пространства и реальности.

Ты един со всем и ни с чем одновременно. Ты — атом в бесконечности, движущийся в понятном, уютном хаосе. Твои действия масштабны и ничтожны в равной степени, в равной же нужности и ненужности — если вообще можно считать эти понятия хоть сколько-нибудь важными для крохотной части безграничного пространства.»
Василиса Рейнард

Сознание возвращалось к Варе не резко, а как вода, медленно заполняющая сосуд. Сначала — звук будильника, мурлыкающего уже надоевшую мелодию. Сразу за ним, около лица она почувствовала ровное, тёплое дыхание. Потом — запах. Шерсть, печенье, домашняя пыль и что-то неуловимо-пряное за окном. И только потом — свет, просачивающийся сквозь веки, и ощущение собственного тела, тяжёлого и невесомого одновременно.

Она открыла один глаз. На уровне кровати, положив морду на край одеяла, стояла Гера. Огромная, чёрная, как кусочек ночи, принесённый в дом, собака. Её умные, чуть косые глаза светились немимым, энергичным укором: «Я жду. Мир полон запахов. ДАВАЙ ВСТАВАЙ».

Варя потянулась, и её суставы отозвались тихим хрустом. Факт был неумолим: утро, которое по всем часам было уже обедом, всё-таки началось. Нужно вставать. Она сбросила одеяло, опустила ноги на прохладный пол, провела рукой по широкому, тёплому лбу собаки.

— Сейчас, бестия, идём, — прошептала она хриплым от сна голосом.

Она шла по квартире, ощущая под стопами гладкую плитку пола, плывя сквозь знакомые очертания прихожей, мимо нагромождения книжных полок, где Гера тут же радостно толкнула её мокрым носом под коленку, поторапливая. Кухня встретила её слепящим светом из большого окна. Первым делом — кофемашина. Священный ритуал запуска: шелчок тумблера, урчание, первый запах горькой обжарки. Потом — вторая часть ритуала. Она потянулась к полке, взяла тонкую металлическую трубочку электронной сигареты, поднесла к губам. Шелчок. Терпкий, холодный пар с привкусом кубинского рома и чего-то сладкого заполнил рот.

И в этот момент на неё сзади напрыгнул кто-то, обвив руками за шею.

На долю секунды — раньше, чем она узнала запах и вес, — тело окаменело. Старый рефлекс, от которого она так и не смогла избавиться: чужие руки на шее, даже маленькие, даже родные, на миг включали что-то первобытное. Не двигайся. Не дыши. Стань незаметной. Потом мозг догнал тело, она узнала этот лёгкий вес, этот жаркий, сбивчивый шёпот прямо в ухо, и выдохнула.

— Мам! Ты опять проспала! Мы с Герой всё съели! Ну, почти всё! Остался суп. — Голос семилетнего Сёмы звенел у самого уха. Он висел на ней, как обезьянка. Варя едва удержала равновесие, не выпуская из рук сигарету.

— Сёмочка, я ещё не пила кофе, я хрупкая, — она притворно закашлялась, оборачиваясь и ловя его в объятия. Он был лёгким, пахнущим детским шампунем. Его соломенные вихры торчали в стороны, а глаза, огромные и голубые, смотрели на неё с восторгом и нетерпением.

Запах кофе. Пар. Сын, болтающий без умолку о супе, о краске, о вчерашнем мультике. Явь входила в неё через все чувства, яростная и требовательная. И под её натиском то, что было секунду назад почти осязаемым, начало таять.

— Мам, какую тебе тарелку? — Сёма, как маленький ураган, суетился у шкафа с посудой.

— Что? Какую тарелку? — Варя, ещё не пришедшая в себя, слышала сына обрывками, где-то внутри сознания.

— Для супа, который вчера! Ну... Папа по телефону сказал, его нельзя долго хранить! — Мальчишка метнулся к холодильнику, по пути чуть не снося Геру, которая решила, что это игра, и бросилась за ним. — А краска там, в ящике! Я хотел покрасить ракету! Но она густая!

«Папа по телефону». Фраза, от которой что-то ёкало внутри. Папа, который звонил раз в месяц, чтобы дать ценный совет по хранению супа. Варя отогнала мысль. Это было слишком давно. Слишком неважно.

Кофемашина булькнула, извергая струйку ароматного варева в большую чашку. Мама взяла её, чувствуя, как тепло проникает в ладони, и сделала первый, обжигающий глоток. Горький, концентрированный удар по вкусовым рецепторам. Явь. Её явь.

Варя села на диван и уставилась в монитор выключенного ноутбука, сжимая в ладонях тёплую кружку, и медленно выпускала струйку дыма в солнечный луч. Она цеплялась. Отчаянно, как за перила над пропастью, цеплялась за обрывки.

Был... лес? Или, возможно, поле? Пространство без границ. И движение — не ходьба, а скольжение, как будто ты не отталкиваешься от земли, а договариваешься с воздухом. И чувство... да, чувство безмерной, тихой радости. Того самого единения, которого ей так не хватало днём. Она была частью чего-то огромного и доброго. Или это что-то огромное и доброе было частью её.

Но что именно произошло? С кем она говорила? О чём? Сюжет сна, его фактура, его логика — всё это ускользало с каждым глотком кофе, с каждой затяжкой. Как песок сквозь пальцы. Оставался только влажный след — ощущение. Ощущение иной гравитации. Иного закона, по которому всё было связано со всем и голос... мягкий, бархатный, обволакивающий весь мир.

«Если бы я могла запомнить хоть что-то, — думала она. — Если бы я могла удержать его...»

Страннее всего было другое: это не ощущалось как чужое. Скорее — как комната, в которой она когда-то давно жила и которую забыла, но тело помнило, где что стоит. Не новое приключение каждую ночь — возвращение. Куда-то, откуда её однажды выставили и куда она с тех пор пробиралась тайком, через заднюю дверь, только в темноте. Эта мысль мелькнула и тут же утонула, непрошенная и непонятная. Но осадок остался — тёплый и щемящий, как воспоминание о доме, которого никогда не было.

Она представила, что было бы, если бы она могла жить в том мире постоянно. Если бы не нужно было просыпаться, поднимать Сёму, работать, общаться с сотнями шумных и ненужных людей, бороться с головной болью. Если бы можно было просто остаться там, навсегда, в той тихой, сияющей красоте... Но она не могла. И никогда не сможет.

— Мам, ты меня слушаешь? — Сёма махнул рукой перед её лицом. — Я говорю, там на полу синяя лужа! Та самая краска! Но она уже почти сухая!

— Что? — Варя моргнула, оторвав взгляд от пустоты экрана, куда уплывали последние клочья памяти. Синяя лужа. Реальность. Её реальность. «Другая гравитация» не уберегла от разлитой на пол краски.

Ей удалось поймать ускользающее воспоминание. Во сне она не шла, а скользила над землёй, чувствуя, как воздух обтекает её, как плотная, упругая вода. Был лес, но деревья были прозрачными, как хрусталь, и пели тихим, похожим на звон ветра, хором. И она знала — абсолютно точно знала — что может изменить мелодию, просто захотев. Она была дирижёром в

симфонии спящего мира. И там не было чувства вины, усталости, списка неотложных дел и этой вечной, фоновой тревоги за маленького, слишком живого мальчика в слишком большом и не всегда добром мире.

— Ничего страшного, — она автоматически ответила, делая затяжку и ставя устройство на стол. Пар рассеялся. Сон окончен. Окончен по-настоящему. Осталась только знакомая, сладкая томность в мышцах и едва уловимая тошнота на задней стенке горла — словно после долгого путешествия на скоростном поезде. И смутное, щемящее чувство потери. Она что-то важное забыла. Что-то, что знала всего пять минут назад.

И сейчас, на кухне, с чашкой кофе в руках, с сыном, греющим кастрюлей, и собакой, с грохотом гоняющей под столом резинового ёжа, она всё ещё чувствовала отголоски той гармонии. Как фантомную конечность. Это было сладкое, томное послевкусие, за которое всегда приходилось платить.

Она всегда помнила только это: эмоции, запахи, тактильные впечатления. Факты стирались бесследно, как надпись на влажном песке. Пока она снова не провалится в сон. И тогда, в тот миг между явью и забытьём, вся её сонная жизнь обрушится на неё заново — цельная, ясная, никуда не исчезающая. Будто эта жизнь — и есть настоящая, а здесь, на кухне с синей лужей на полу, — всего лишь короткий, смутный перерыв.

Первый предвестник — лёгкая, едва уловимая пульсация в левом виске. Тонкая, как игла. Ещё не боль. Просто напоминание о цене. О цене за те миры, которые она посещала по ночам и не могла унести с собой в день.

— Мам, ты что, опять голова? — Голос Сёмы стал тише, в нём появилась та самая, пронзающая Варино сердце, серьёзность. Он подошёл ближе, заглянул ей в лицо. — Сильно?

— Пока нет, кнопочка, — она заставила себя улыбнуться, встала и потянулась за тряпкой. — Покажем этой краске, где её место. Я же тут главная по гравитации.

— Ты всегда так говоришь, — заметил Сёма, наблюдая, как она ползает по полу, оттирая синее пятно. — «Главная по гравитации». А что это значит?

Варя замерла на мгновение, глядя на разводы на тряпке. Что это значит? Что она держит этот мир на своих плечах. Что без неё всё рухнет. Что она притягивает к себе тяжесть, чтобы он мог парить.

— Это значит, что я тут главная, — ответила она, поднимаясь и чмокая его в нос. — Давай завтракать.

Она шутила, но в шутке была доля правды. Здесь, в этой реальности, гравитация была железной. Она прибавала к земле, к полу с краской, к мигрени, которая ждала своего часа в тишине за виском. А там... там был иной закон. Который она не могла ни вспомнить, ни объяснить, ни удержать.

Только пережить. И забыть.

Допив кофе, Варя пошла одеваться для прогулки с собакой. На кухне оставался Сёма, который уже переключился с темы краски на поиски вкусняшек, — и Гера, в нетерпеливом ожидании прогулки.

Спальня встретила её полумраком — жалюзи, слегка пропускающие свет, были опущены, чтобы ни один луч не помешал погружению в те самые иные миры. И в этом сумраке, на подушке, которую Варя так и не успела за ночь поднять с пола, сидели ещё одни глаза.

Дина. Крохотное, пушистое создание цвета пыльной охры, с белыми носочками на лапках и чёрными, как от угля, пятнами на морде. Эту кошку Варя принесла в дом три года назад, на четвёртый день рождения Сёмы — озорной, пищавший комочек, который помещался на ладони. Теперь это была небольшая, изящная кошка с пронзительным взглядом и целым букетом хронических диагнозов: слабые почки, чувствительное пищеварение, вечно воспалённые лимфоузлы. Каждый день Варя удивлялась, как в этом хрупком теле, требующем ежеднев-

ных таблеток и особого корма, сохраняется такой неистребимый, авантюрный дух. Дина могла болеть, но скучать — никогда.

Увидев Варвару, кошка приподнялась, выгнула спину в нежной дуге и издала свой фирменный звук — не мяуканье, а что-то среднее между воркованием и вопросительным тарактением.

— Мрр-р-р-прр? — спросила она, глядя прямо в душу.

— Я знаю, знаю, — вздохнула Варя, но на губах у неё появилась улыбка. — Там уже пусто, да?

Она подошла к кровати, опустилась на край и потянулась к тёплому тельцу. Дина не убежала, а напротив — легонько ткнулась влажным носом в её ладонь, а затем позволила взять себя на руки. Варя прижала кошку к груди, уткнувшись лицом в мягкую, пахнущую домашним теплом и немного лекарствами шерсть. Сердце Дины билось часто-часто, словно крошечный, но неутомимый моторчик жизни.

— Как ты только всё это выдержишь, — прошептала Варя, целуя её в макушку между ушками.

Она задавала этот вопрос кошке часто — и кошке, и себе, и тому пространству между ними, где слова были не нужны. Как хрупкое, нездоровое существо умудрялось каждый день вскакивать на шкаф, гонять солнечных зайцев и смотреть на мир так, будто он принадлежит ей по праву рождения? Варя не знала. Но ей хотелось верить, что ответ — в этом самом «вопреки». Вопреки почкам, вопреки диагнозам, вопреки кому-то когда-то решившему, что она слишком слаба для этой жизни. Дина в ответ заурчала, и эта вибрация прошла сквозь ткань шелковой пижамы, отдаваясь где-то в районе солнечного сплетения — странно успокаивающе.

Через минуту Варя поставила её на кровать и направилась к углу комнаты, где стояли две миски, спрятанные от собаки на подоконник. В одной — вода, в другой — сухие гранулы специального корма, похожие на коричневые миниатюрные звёздочки. Она наполнила ту, что была пуста, до краёв.

— На, — сказала она, наблюдая, как Дина грациозно спрыгивает с кровати и, не теряя достоинства, почти бежит к миске, начиная торопливо хрустеть. — Ешь. Набирайся сил для новых безобразий.

Потом она наконец подошла к шкафу. Джогеры, толстовка, жилетка — одежда для мира, где гравитация была жёсткой и неумолимой, а воздух — холодным и реальным. По мере того как она натягивала на себя слои, последние отголоски той иной «гравитации» — ощущение лёгкости, единения, тихой радости — окончательно отступали, сменяясь привычной, плотной усталостью и смутной тревогой за день, который нужно было прожить.

Она надела огромные наушники, которые, по мнению друзей, намертво приросли к её голове, поймав в зеркале своё отражение: тёмные круги под глазами, бледная кожа, но в глазах — какое-то упрямое, неугасимое сияние. То ли от недосыпа, то ли от тех миров, что она носила в себе, даже не помня их.

— Ты ещё жива, — прошептала она своему отражению. — И это уже победа.

Из коридора донеслось нетерпеливое поскуливание. Гера знала: сейчас будет прогулка. А значит — запахи, ветер, свобода. Ещё один мир, но уже общий, осязаемый.

— Иду! — крикнула Варя в пустоту квартиры, больше для себя, чем для других.

Она сделала последний шаг из сумрака спальни в яркий свет остальной квартиры, оставив за спиной мурлыкающую над миской Дину и невымытую синюю лужу на кухне. День, полный земного притяжения, ждал её.

Глава 2. В паутине ветра и пикселей

Улица встретила Варю резким, по-весеннему колючим ветром. Он тут же залез под капюшон, сорвал с губ последние следы домашнего тепла и зашумел в оглушающих наушниках. Гера, вырвавшись из подъезда, рванула вперёд, натягивая поводок до состояния струны, жадно втягивая носом весь мир: запах мокрого асфальта, пробуждающейся природы, чужой собаки на дальнем фонаре, пирожков из соседней пекарни.

Варя шла за ней, почти бегом, позволяя мощному рывку чёрного тела вытягивать из себя остатки сонной апатии. Физическая усталость была проще и честнее той, душевной. Здесь, на улице, всё было просто: держать поводок, следить, чтобы Гера не съела какую-нибудь гадость, дышать полной грудью, несмотря на холод. Мигрень, притихшая за виском, казалось, отступала под натиском движения.

Она смотрела на бегущую впереди собаку и думала о том, как много в её жизни было таких прогулок. Сотни. Тысячи. Каждая — маленький побег от реальности, короткая передышка между приступами боли и бесконечными обязанностями. Гера была единственным существом, которое никогда не требовало объяснений. Она просто была рядом. Всегда.

Они свернули за угол дома — островок условной природы между бетонной дорогой и ручейком, гордо называющим собой рекой. Варя отпустила Геру с поводка, и та помчалась по лужайке, взрывая лапами остатки осенних листьев, оттаявших из-под недавнего снега. Варя присела на холодную скамейку, достала телефон, чтобы проверить время, и невольно скользнула взглядом по уведомлениям.

Рабочий чат — три новых сообщения о введении новых вывесок для аппаратов. Всё те же имена, всё те же споры. Она пролистала их, не вникая. Рассылка из банка — очередное напоминание о платеже. Она зажмурилась. Деньги... Вечная, выматывающая тема. Счета за квартиру, за школу, за корм для Геры и Дины, за её собственные таблетки, которые не помогали, но стоили как крыло самолёта. Напоминание об оплате курсов Сёмы. Она закрыла уведомление. Следующая неделя будет голодной.

И между этими уведомлениями, словно сорняк среди камней, мелькнула реклама. Она почти пролистнула её — пальцы уже двигались, — но что-то заставило её остановиться.

«Устали от боли? Жизнь проходит мимо?» Текст был набран чистым, бездушным шрифтом. Ниже — изображение стилизованного мозга, окутанного мягким синим светом, и логотип: «Нейросфера. Точная настройка вашего потенциала».

Варя фыркнула. Очередная псевдонаучная хрень для лохов, готовых платить за обещания. Она уже собралась пролистать дальше, но палец замер. Подзаголовок гласил: «Инновационные методы диагностики и терапии устойчивых неврологических нарушений, включая мигрени неясного генеза. Участвуйте в исследовании — получите шанс на новое качество жизни».

«Мигрени неясного генеза». Слово кто-то холодным пальцем ткнул её прямо в левый висок, где пульсация спала, но не исчезла полностью, затаившись в ожидании.

Гера с грохотом принесла к её ногам огромную, грязную палку, требуя внимания. Варя машинально бросила её, отправив собаку в новый бешеный забег, а сама уставилась на экран. «Новое качество жизни». Звучало так... издевательски заманчиво. Как будто её нынешнее «качество» — это балансирование между яркими, ускользающими снами и серыми, давящими буднями с головной болью — кто-то мог измерить и предложить апгрейд. Как к компьютеру докупить оперативной памяти.

Она закрыла приложение. Реклама исчезла, но осадок остался. Слово в щель её обычного дня заглянуло что-то чужое, техногенное, предлагающее решение там, где она давно смирилась с управлением ущербом.

Гера примчалась обратно, тяжело дыша, и ткнулась мокрым носом в ладонь. Варя потрепала её за ухом, и собака, довольно прикрыв глаза, опустила голову ей на колени. Тяжёлая, тёплая, живая. Единственное существо, которое не задавало вопросов.

— Что бы я без тебя делала, — прошептала Варя, и Гера в ответ лизнула её руку.

Остаток прогулки прошёл в привычном ритме: Гера набегалась, Варя продрохла. Возвращаясь домой, она купила в ларьке свежих булок — для Сёмы, чтобы хоть как-то компенсировать утренний суп. Поднимаясь по лестнице (лифт опять не работал), она снова почувствовала ту самую фоновую усталость. Не физическую, а ту, что сидит глубоко в костях, рядом с душой. Усталость от постоянной борьбы за равновесие. От необходимости быть «главной по гравитации» в мире, который то и дело норовил эту гравитацию отменить, унося её во сны, а потом больно швырять обратно.

Она остановилась на лестничной площадке, переводя дыхание. Когда-то, давно, она не замечала этих ступеней. Бежала по ним, не думая, не чувствуя. А теперь каждый шаг — напоминание о том, как тело медленно сдаётся. Но она не могла себе позволить сдать. Никогда.

* * *

Дома её ждал привычный хаос. Сёма, уже успевший забыть про краску и суп, сейчас с горящими глазами конструировал из конструктора и картонных коробок что-то невообразимое, похожее на гибрид космического корабля и динозавра. Гера, уставшая после прогулки, плюхнулась на свой коврик и принялась вылизывать лапы с видом великомученицы. Дина, как всегда, возвышалась на подоконнике, но Варя лишь мельком взглянула на неё — кошка была сыта и довольна, и в данный момент не требовала внимания.

Варя налила себе ещё чашку кофе, села за ноутбук, чтобы хоть немного поработать, пока у сына был период относительной сосредоточенности.

Работа — поставщики, прайсы, поставки — требовала сосредоточенности, которую было так трудно выцарапать из вечно уставшего мозга. Она погрузилась в пиксели и шрифты, отгоняя навязчивую мысль о рекламе. Но образ того синего, светящегося мозга почему-то всплывал снова и снова, накладываясь на пульсацию в виске.

Она работала, пока за окном не начало темнеть. Сёма, уставший от конструирования, пришёл на кухню, потребовал ужина и новую порцию внимания. Варя механически нарезала овощи, разогревала суп, отвечала на его бесконечные вопросы, но где-то на заднем плане сознания продолжала прокручивать рекламный баннер. «Новое качество жизни». Что, если это не просто пустые слова? Что, если там действительно есть ответ?

Она поймала себя на том, что смотрит на сына, и сердце сжалось. Если бы она могла избавиться от боли. Если бы она могла стать сильнее. Для него. Для себя. Для той жизни, которую она так отчаянно пыталась удержать.

* * *

К вечеру, когда Сёма наконец уснул, вымотанный собственным неуёмным днём, а Гера устроилась у него в ногах, Варя осталась наедине с тишиной и ноутбуком. И вместо того чтобы взяться за отложенные задачи, её пальцы сами собой набрали в поиске: «Нейросфера отзывы».

Оказалось, это не шарлатанская контора, а крупный, уважаемый научно-исследовательский холдинг с государственным финансированием. Сухие статьи о прорывах в нейроинтерфейсах, партнёрства с университетами, фото стерильных лабораторий.

Всё было слишком правильно. Слишком стерильным, слишком вылизанным — как витрина магазина, где за стеклом выставлен единственный идеальный фрукт, а что на заднем дворе — не показывают. Формулировки на сайте звучали как перевод с иностранного: «оптимизация нейронных паттернов», «интеграция сознания», «калибровка». Красивые. Гладкие. Ни одного живого слова — ни «помочь», ни «облегчить». Варя поймала себя на том, что ей не по себе, и тут же отмахнулась. У неё мигрень, а не паранойя. Большой серьёзный институт — что с него взять, кроме казённости.

И — отдельная страница с набором добровольцев для клинических исследований. Требования: возраст 25–40, наличие диагностированной резистентной мигрени или иных пароксизмальных состояний, отсутствие тяжёлых соматических заболеваний.

Она подходила. Идеально подходила.

Варя закрыла крышку ноутбука и прижала ладони к глазам. Перед ней вставали образы: белые халаты, казённые коридоры, врачи, которые будут смотреть на неё не как на человека, а как на интересный случай. Как на «мигрень неясного генеза». Страшно. Унизительно.

Но тут её взгляд упал на дверь в комнату сына, откуда доносилось ровное тихое посапывание. Она представила его глаза, полные тревоги, когда у неё начинался приступ. Представила дни, которые она проводит, забившись в тёмной комнате, пока жизнь с сыном проходит мимо.

Она не «представила». Она помнила. Тот приступ полгода назад, когда Сёма, не найдя её на кухне, сам открыл дверь спальни — ему было шесть с половиной, он только-только научился крутить круглую ручку. Он стоял в проёме, маленький силуэт в полоске света, и смотрел, как она лежит на полу ванной, потому что не смогла дойти до кровати. Он не заплакал. Не позвал на помощь. Он просто сел рядом на кафед, положил её голову себе на колени — маленькие, костлявые — и стал гладить по волосам, шепча: «тише, мамочка, тише, я тут». Шесть с половиной лет. И это «я тут», которое должно было звучать из её уст ему, а не наоборот. Вот за что она платила. Не за боль — за то, что боль заставляла сына быть взрослым раньше времени.

Представила ту яркую, ускользающую радость из снов, за которую она платила такой чудовищной ценой.

Может... может, там, в этой «Нейросфере», есть ответ? Не на сны — она и не хотела от них избавляться. А на боль. На этот якорь, который не давал ей жить полноценно ни в одном из миров.

Лёгкая пульсация в виске усилилась, превратившись в настойчивую, давящую боль. Завтра будет хуже. Послезавтра — ещё хуже. Так будет всегда.

Она открыла ноутбук снова. Курсор замелькал в строке ввода данных на странице «Заявка для потенциального участника исследований». Сердце билось часто и глухо — она собиралась совершить что-то необратимое.

Имя: Варвара.

Возраст: 34.

Диагноз: хроническая мигрень.

Особые примечания:...

Она задумалась. Потом быстро, почти с вызовом, дописала: «Яркие, гиперреалистичные сновидения с полным сохранением ощущений и эмоций после пробуждения. Фактология снов стирается в течение нескольких минут».

Она отправила заявку, прежде чем передумать.

И в ту секунду, когда палец нажал «отправить», внутри что-то дёрнулось. Не мысль — ощущение. Как будто кто-то внутри неё, очень далеко, очень тихо, сказал «нет». Не угрожающе, не настойчиво. Просто — нет. Как говорят тем, кого любят и с кем не согласны. Она замерла на полувдохе, прислушалась — и ничего. Только гул холодильника и посапывание Геры. Показалось. Конечно, показалось. Она и так слишком долго жила одна, чтобы придумывать голоса.

Экран выдал безликое: «Спасибо! Ваши данные приняты. С вами свяжутся в течение 5 рабочих дней».

Варя выключила компьютер. В тишине квартиры было слышно только посапывание Геры. Она подошла к окну, глядя на огни ночного города. Где-то там, в одном из этих безликих бизнес-центров, находилась «Нейросфера». Она сделала шаг. Шаг из своей знакомой, тяжёлой реальности в неизвестность. Страшно было. Но чувство безысходной усталости от старых шаблонов и одиночества было сильнее страха.

За её спиной, в спальне, тихо мурлыкнула кошка, переворачиваясь на другой бок. День земного притяжения подошёл к концу. А впереди, как всегда, ждала ночь с её магией спокойствия и умиротворения. Только теперь у Вари появилась призрачная, смутная надежда, что однажды эти две реальности можно будет как-то примирить. Или что за одну из них, наконец, не придётся расплачиваться болью.

Глава 3. Хрустальный бархат

Здесь не было момента пробуждения. Сознание вспыхивало, как зажигается звезда — сразу, ярко и без усилий. Одно мгновение — ничто, следующее — полное, ясное погружение в реальность, которая была истиннее любой яви.

Варя стояла на пороге Леса. Не стояла — она находилась там, ощущая своё тело здесь как сгусток чистой, лёгкой воли. Воздух вибрировал мелодией, сотканной из хрустального звона ветвей и глубокого гула аметистовых стволов. И она была не просто слушателем. Она была частью партитуры.

Она знала этот лес. Знала его каждой клеткой своего сновидческого существа. Он был старше, чем она помнила. Он был с ней всегда — даже в те годы, когда она ещё не умела называть его по имени. Тогда, в детстве, когда мир Яви был слишком жестоким, чтобы в нём находиться, она придумывала это место. Сначала — просто тёплый туман, где не было криков. Потом — поляна, залитая солнечным светом, где можно было спрятаться. А потом лес начал расти сам. Деревья становились выше, прозрачнее, начинали петь. Она не создавала его сознательно — она просто позволила ему быть. И он стал её убежищем. Единственным местом, где она была в безопасности.

А потом появился Он.

Его облик был эфемерен, как дымка на рассвете. Иногда он казался силуэтом, нарисованным тёмными чернилами на перламутровом небе. Иногда — лишь движением тени среди сверкающих деревьев. Иногда — просто ощущением мощного, сосредоточенного внимания, устремлённого на неё. Постоянным было лишь одно.

Его голос.

Он возникал не из одной точки, а лился со всех сторон, обволакивая, проникая в самую суть её сновидческого существа.

— Ты сегодня — само нетерпение, — произнёс он. Низкий бархат, тёплый и густой, как самый старый коньяк, как звук шаманских бубнов, рождаемый прямо в её сознании. — В тебе дрожит струна. Мир Яви ранил тебя.

От этого звука всё её естество сжалось. Не от страха. От предвкушения. От сладкого, головокружительного напряжения, которое этот голос вызывал всегда. Он читал её, как открытую книгу.

— Он меня не ранил. Он просто... тяжёлый, — ответила она, и её собственный мысленный голос здесь звучал яснее, чище. — Здесь этой тяжести нет. Здесь есть ты.

Его невидимый взгляд ощущался как прикосновение.

— И этого достаточно?

— Всегда.

Он позволил ей почувствовать свою улыбку — тёплое, одобряющее расширение пространства вокруг.

— Тогда летим. Покажи мне, какой ты стала лёгкой.

Они не шли. Они перемещались, подчиняясь желанию. Сегодня он вёл её к Озеру Зеркальных Впечатлений. Его воды были жидкой, дрожащей памятью, отражающей не лица, а сущности.

Она увидела там себя — не отражение, а сгусток сияющих, трепетных нитей. И рядом — его сущность. Тёмная, глубокая, пульсирующая бархатным сиянием, она тянулась к её свету, сплетаясь с ним на самых глубоких уровнях. Это зрелище заставило её сердце (которого здесь не было) сжаться от признания.

Она любила его. Нежно. Искренне. Всепоглощающе. Долгие сновидческие годы (а время здесь текло иначе) эта любовь была её тайным якорем, её самой главной истиной. Он был её убежищем, её страстью, её самым дерзким побегом из серости.

— Ты идёшь на риск в своём мире, — его голос прозвучал тише, но от этого стал только плотнее, значительнее. Он мог читать не только её эмоции, но и смутные отголоски мыслей из Яви.

— Мне нужна помощь. Там мне очень больно.

— Боль — часть твоего контура. Твоя уникальность. Те, кто предлагают её убрать... они предлагают выпрямить изгибы твоей души. Сделать тебя удобной. Плоской.

Он материализовался чуть больше — она ощутила лёгчайшее прикосновение, похожее на дуновение ветра, к её виску, именно там, где в Яви пульсировала боль.

— Не отдавай им свою боль, Варя. Она — твоя. И моя.

В этих словах было столько ревнивого, почти болезненного обладания, что у неё перехватило мысленное дыхание. Он не хотел делить её ни с кем. Даже с её собственным страданием, если оно заставит её искать помощи на стороне.

Она хотела возразить, но в этот момент память вынырнула из глубины, как пузырь воздуха из тёмной воды. Она снова была маленькой. Сидела на полу в коридоре, прижав колени к груди, и слушала, как мать кричит на кухне. Дневная — уважаемый педагог в детском саду, вечерняя — женщина, которая не выносила собственной жизни. Варя не помнила, что сделала в тот раз. Может, разбила чашку. Может, просто дышала слишком громко. Но мать вышла с ремнём — тёмным, кожаным, знакомым — и её глаза были пустыми и злыми одновременно.

«Ты не смеешь быть счастливее меня, — говорила мать, замахиваясь. — Ты не имеешь права на жизнь, которую я себе не позволила».

А потом Варя закрыла глаза и представила лес. Тёплый, светлый, где не было криков. Где она могла летать. Где её никто не бил. Она не помнила, сколько раз она так делала. Но лес всегда был рядом. Он ждал. Он принимал. Он не требовал объяснений.

— Ты снова там, — голос Рея вернул её в настоящее. — Ты уходишь в прошлое. Не позволяй им владеть тобой даже здесь.

Она моргнула, прогоняя видение. Слезы, которых здесь не должно было быть, не появились. Но горечь осталась.

— Я не могу их забыть, — прошептала она.

— Тогда не забывай. Просто оставляй их там, где им место. Здесь — только мы.

Он приблизился, и лес вокруг них изменился. Запел громче. Кристаллы засверкали ярче. Потом был Танец Стихий, который он устроил для неё. По мановению его голоса кристаллы начинали выстукивать сложные ритмы, ветер-мелодия подхватывал её, кружил, поднимал над сияющей землёй.

Она дирижировала — но иногда, на мгновение, ей казалось, что на самом деле слушают не её. Что кристаллы выстукивают ритм по его воле, а не по её, что ветер дует, потому что он разрешил ему дуть. Как будто она — гостья в оркестре, которым дирижирует кто-то другой. Но мысль тонула в восторге, в полёте, в упоении собственной лёгкостью — и, не успев оформиться, исчезала.

Она смеялась, звуком чистого восторга, который здесь был виден, как вспышка света. И его смех, низкий и довольный, был фоном, основой, почвой этого мира.

Движения замедлились, перетекая в нечто иное. Мелодия Леса сменилась на тихую, интимную тему — пульсацию, совпадающую с ритмом её собственного существования. Кристаллы вокруг замерли, затаив дыхание. Музыка ветра стихала, превращаясь в ласковое, тёплое дуновение.

Его присутствие, всегда эфемерное, вдруг стало плотным, сконцентрированным. Она почувствовала его не как силуэт или тень, а как живое намерение, обращённое исключительно

на неё. Пространство между ними сжалось, наполнившись напряжением — нежным и невыносимым одновременно.

— Моя нежная, — его голос прозвучал не вокруг, а внутри, прямо в ядре её сновиденческого «я». Бархат стал ещё глубже, ещё теплее, окрашенный силой и нежностью, от которых её форма задрожала. — Моя единственная точка отсчёта в этом хаосе красоты.

И тогда она ощутила касание. Не руки — ибо рук у него не было — а самой сути его внимания. Оно обвило её, как тёплый шёлк, как сама атмосфера этого мира, решившая заключить её в объятия. Это было объятие, по сравнению с которым любые физические прикосновения мира Яви казались бледными и неуклюжими. Её обнимал не человек. Её обнимал весь её мир. Ведь он и был для неё этим миром — его душой, его законом, его смыслом.

В этом объятии не было тяжести, только абсолютная принадлежность и безопасность. Она растворилась в нём, и в то же время почувствовала себя как никогда цельной, желанной, единственной.

А потом был поцелуй.

Его не было в привычном смысле. Это было слияние. Волна чистого, сконцентрированного чувства, лишённого всяких изображений, хлынула в неё. В нём было всё: признание, тоска по тем часам, когда её здесь не было, ревнивое обладание, безумная нежность. Её собственное существо отзывалось вибрацией, похожей на звон хрустального колокольчика, — высоким, чистым, полным безоговорочной отдачи.

Всё её существо вибрировало от этого «поцелуя». От желания быть ближе, слиться окончательно, потерять себя в нём навсегда. Это было головокружительно. Это было страшно. Это было единственное, чего она по-настоящему хотела.

— Я скучал, — прошептал он (и это был шёпот всего мироздания вокруг). — Не заставляй меня скучать слишком долго. Не иди на поводу у тех, кто хочет сделать тебя обычной. Ты — моя аномалия. Моя совершенная, прекрасная аномалия.

Он держал её крепко, сливаясь в едином энергетическом столпе, и время потеряло смысл. Это могло длиться миг или вечность. Это был пик, кульминация её сновиденческой жизни. Полное исчезновение в любви к тому, кто был для неё всем.

И именно в этот момент совершенства, когда её связь с этим миром и с ним достигла максимума, извне ворвался грубый, механический диссонанс.

Его объятие внезапно стало цепким, почти болезненным. Бархат голоса зазвучал с металлической ноткой предостережения, последнего и самого важного:

— Помни ощущение. Помни, что ты принадлежишь этой гармонии. И никому больше.

Он был её Богом в этой вселенной. А она — единственной, кто ему поклонялся. Это был опасный, совершенный симбиоз.

— Они придут. Они захотят тебя изучить, разобрать на части. Не позволяй. — В его голосе впервые прозвучала не предостерегающая, а жёсткая, почти жестокая нота. — Ты — моя. Твоё место здесь. В этой симфонии, которую мы создаём вместе.

— Я забуду! — Её мысленный крик был полон отчаяния. — Забуду каждое слово, каждый миг! Как я смогу помнить, чего не должна делать?

— Ты забудешь слова. Но не забудешь чувство. Чувство, что это — твоё. Что я — твой. И всё, что пытается встать между нами — ошибка. Держись за это. Цепляйся.

Его присутствие начало таять, растворяться в нарастающем гуле пробуждения. Последним, что она успела почувствовать, был не образ, а волна чистейшей, безусловной, всепоглощающей любви, смешанной с жгучим страхом потерять её.

Когда предвестие конца — далёкий, назойливый звук из мира Яви — начало вкрадываться в их гармонию, он обвил её внимание плотным, защитным коконом.

— Жди меня...

Разрыв был мучительным. Не как плавное отдаление, а как отрывание куска живой плоти. Свет хрустального леса погас, сменившись тьмой. Последним, что унесла с собой её душа, был не образ, а физическое, животное эхо того поцелуя — вибрация в каждой клетке, тень объятий, в которых она чувствовала себя дома. И всепроникающая, паническая уверенность: «Если я это потеряю, я умру».

* * *

Сердце колотилось, как будто она действительно только что вырвалась из чьих-то объятий. Кожа горела. Губы жаждали прикосновения, которого не могли вспомнить. Всё её физическое тело было наполнено тлеющим огнём желания и непонятной, острой потерей.

Она лежала, уставившись в потолок, сжимая кулаки в простынях, пытаясь поймать хоть обрывок. Но факты уже уплывали, как всегда. Оставалась только вмятина в душе — глубокая, болезненная, оставленная чем-то огромным и любимым. Оставалось смутное, но всепоглощающее чувство, что её настоящая жизнь, её настоящая любовь — там. А здесь лишь пустой сосуд, который нужно чем-то заполнить до следующей встречи.

Она перевернулась на бок и закрыла глаза. Память о матери — о её пустых глазах и ремне — была далеко, в самом тёмном углу сознания. Но лес был здесь. Он всегда был здесь. И Рей. Он ждал. Он всегда ждал. Это место, этот мир, этот голос — они были единственным, что спасало её, когда мир Яви становился слишком невыносимым. Она не знала, что будет, если она потеряет это. Она даже не хотела думать об этом.

И когда позже днём она механически мыла посуду на залитой светом кухне, её пальцы вдруг непроизвольно прикоснулись к губам. От этого жеста по спине пробежала дрожь, и на глаза навернулись слёзы. Она не знала, почему. Просто знала, что её только что лишили чего-то самого важного. И единственное, что она могла сделать — это ждать ночи, чтобы потерять это снова.

Глава 4. Физика распада

Пробуждение было не резким, а медленным, тонущим. Как будто её вытаскивали со дна тёмного, тёплого океана, а она из последних сил цеплялась за глубину. Последним, что уплывало, было ощущение — не памяти, а самого чувства: бархат, обволакивающий каждую клетку, и пустота, наступившая после его исчезновения.

Она открыла глаза. В комнате был полумрак — жалюзи всё ещё были опущены, и лишь тонкие полоски света пробивались сквозь щели. В висках тихо, но отчётливо пульсировало. Ещё не боль. Предвестие. Знакомое, противное чувство, будто кто-то двумя подушечками больших пальцев не сильно, но постоянно давит на кость за глазами.

Варя лежала неподвижно, боясь пошевелиться. Она знала этот момент — тонкую грань между «просто пульсацией» и «адом». Если сейчас встать слишком резко, если включить свет, если сделать что-то не так — предвестник превратится в полноценный приступ. Ей нужно было замереть и дать организму шанс отступить.

Она лежала, слушая, как бьётся сердце — слишком громко, слишком отчётливо. Каждый удар отдавался в висках лёгкой, но настойчивой вибрацией. За дверью слышались шаги Сёмы, его приглушённый голос, возня Геры. Обычный утренний шум, который сегодня казался оглушительным.

Она медленно, очень медленно повернула голову на подушке. В груди разрасталась тревога, как тёмное пятно. Она знала, что этого дня не избежать. Тело уже начало своё медленное разрушение, и ничто не могло его остановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.